

Пистолет с грохотом упал на пол, но Хэ Дачжуан не стал его поднимать. Он подошёл к Цзинь Жую и сел рядом, обмякнув в кресле. Как же он устал... Мяньцю хотел, чтобы Хэ Дачжуан взял его на руки, забравшись на колени к Цзинь Жую, и жалобно заскулил, звук его голоса был настолько милым, что сердце просто таяло.

Но, несмотря на жалость, Хэ Дачжуан не протянул руку, чтобы взять его. Сейчас ему даже прикоснуться к Мяньцю было трудно, не говоря уже о том, чтобы взять на руки.

Цзинь Жуй протянул руку и погладил Хэ Дачжуана, улыбаясь:

— Сегодня ты молодец.

Хэ Дачжуан с трудом улыбнулся в ответ, благодаря за похвалу.

После целого дня тренировок он наконец смог поразить сердце манекена в трёх или четырёх выстрелах из пяти. Голова манекена попадала под обстрел в одном или двух выстрелах. Конечно, это было отдельно. То есть в десяти выстрелах у него была лишь одна треть шанса убить врага.

Хэ Дачжуан закрыл глаза, отдыхая, а Цзинь Жуй, поглаживая его лицо, спросил:

— Устал?

Хэ Дачжуан кивнул, он действительно был очень уставшим.

Цзинь Жуй улыбнулся:

— Ты справился лучше меня. Когда я тренировался стрелять, мне понадобилась почти неделя, чтобы попасть в сердце манекена.

Хэ Дачжуан открыл глаза и с недоумением посмотрел на Цзинь Жую. По идее, Цзинь Жуй не мог быть настолько неумелым.

Цзинь Жуй, словно угадав его мысли, улыбнулся:

— Я начал тренироваться стрелять в пять лет. В то время я даже не мог нормально держать пистолет, приходилось брать его двумя руками.

Даже если я поднимал руку как можно выше, пули всё равно не попадали в сердце манекена.

Но человек, который учил меня стрелять, сказал, что если я не смогу попасть в сердце манекена сегодня, то у меня не будет ужина.

Если бы это был кто-то другой, он бы подумал, что это просто угроза. Ведь я — молодой господин из семьи Цзинь, как я могу остаться без еды? Но только я знал, что он говорил правду.

С трёх лет я начал изучать множество вещей, и каждый раз, когда я не справлялся с заданием, меня наказывали разными способами.

Лишение еды было самым распространённым наказанием.

Однажды я не справился с заданием и целый день не пил ни капли воды. В тот день температура в помещении достигала почти сорока градусов, мои губы трескались и

кровоточили, но никто не дал мне воды.

Мне тогда было три года.

Я думал о побеге, но едва я выбрался за ворота дома Цзинь, как чуть не был похищен.

К счастью, меня заметили, и началась перестрелка.

В тот момент я впервые ощутил, что такое жизнь и смерть. Я видел, как люди падали, изрешечённые пулями, лежа в лужах крови, и мне было очень страшно.

Потом меня вернули обратно, и мой отец не стал меня бить. Вместо этого он на моих глазах убил всех, кто обычно защищал меня. После этого, как бы трудно и тяжело ни было, я больше не пытался сбежать. Потому что я боялся, я не хотел умирать.

Знаешь, о чём я думал, когда впервые взял в руки пистолет?

Хэ Дачжуан был полностью потрясён рассказом Цзинь Жуя. Он никогда не думал, что детство Цзинь Жуя было таким.

Пока другие дети капризничали на руках у родителей, он выполнял задания и голодал.

Сочувствовал ли он ему? Да, немного. Потому что он до сих пор помнил, как в детстве капризничал и шалил на руках у родителей.

Цзинь Жуй погладил его по глазам:

— В тот момент я очень хотел взять этот пистолет и убить всех, кто меня обижал. Но в итоге я послушно следовал их указаниям и начал тренироваться стрелять. Потому что знал, что если не буду делать так, как они говорят, умру сам. Поэтому я вымещал всю злость на манекенах, но это не помогало, потому что я всё равно не мог попасть в его сердце.

В тот день мои руки были изрезаны отдачей оружия, на ладонях остались большие раны, но я всё равно не получил ужина и ночью тайком пошёл на кухню, чтобы съесть два сырых яйца. После этого каждый день я тренировался, пока, проголодав почти пять дней и съев пять сырых яиц, наконец не попал в сердце манекена. В ту ночь я впервые поел досыта.

Хэ Дачжуан смотрел на Цзинь Жуя, не зная, что сказать, и просто растерянно наблюдал за ним.

Цзинь Жуй с улыбкой наклонился и поцеловал его, продолжая:

— Потом требования стали ещё строже. Они сказали, что я должен попадать в сердце манекена каждым выстрелом, иначе меня будут колоть десять раз иглой.

Хэ Дачжуан вздрогнул, глядя на Цзинь Жуя. Десять раз иглой?

Цзинь Жуй, словно поняв его мысли, взял его руку и начал играть с его пальцами, улыбаясь:

— Да, иглой, десять раз.

Они специально выбирали самые чувствительные места. Ты когда-нибудь чувствовал боль, когда страдают пальцы? Говорят, что боль в пальцах отзывается в сердце. Не знаю, как у других, но я знаю, что тогда было очень больно.

Я помню, как у меня не осталось ни одного пальца, который бы не был исколот. Руки так дрожали, что я едва мог держать пистолет, но всё равно должен был выполнять задание. Потому что если не выполнишь, ждёт только наказание.

Хэ Дачжуан вдруг вздрогнул, словно почувствовал боль от иглы.

Цзинь Жуй с улыбкой взял его руку, поцеловал и продолжил:

— В таких мучениях я тренировался почти два месяца, чтобы каждый выстрел точно попадал в сердце врага. В то время мои руки были покрыты шрамами, почти не осталось здоровой кожи. Я думал, что наконец смогу отдохнуть, но задания снова усложнились.

Они заставили меня стрелять в движущиеся манекены, и если я промахивался, меня снова кололи.

Только что зажившие раны снова болели. Но чем сильнее была боль, тем больше я терпел, потому что если рука дрожала, пуля могла отклониться от сердца, и тогда наказание было бы ещё строже.

Хэ Дачжуан действительно не мог представить, как пятилетний ребёнок с руками, исколотыми иглами, мог терпеть такую боль.

Когда ему было пять лет, любая царапина вызывала у его семьи сочувствие. Но Цзинь Жуй, с десятью пальцами, покрытыми следами от игл, как же ему было больно.

Цзинь Жуй играл с его пальцами, продолжая небрежно:

— Потом, когда я наконец смог попадать в движущиеся манекены, тренировки снова усложнились, ха... Сначала скорость была медленной, потом постепенно увеличивалась. С одного манекена до двух, с двух до пересекающихся движений. В конце концов, я уже не помнил, сколько манекенов убивал каждый день. И так продолжалось два года. Когда я думал, что наконец могу отдохнуть, они снова добавили сложности — стрельбу в голову. Из-за маленького роста я не мог попасть в голову, поэтому тренировался только стрелять в сердце. Но с возрастом, когда я порос, они начали тренировать меня стрелять в голову. В тот год я снова почувствовал, каково это, когда пальцы исколоты до неузнаваемости. Однако на стрельбу в голову у меня ушёл всего год, чтобы выполнить все требования.

Потом они снова усложнили задание — стрелять одновременно в сердце и голову. Первый манекен — в голову, второй — в сердце, третий — в сердце и голову, четвёртый — в руки и ноги. И так продолжалось до тех пор, пока мне не исполнилось тринадцать лет.

И в тот год я убил первого человека в своей жизни.

Хэ Дачжуан вздрогнул, пытаясь высвободить руку из рук Цзинь Жуя, но тот не отпускал, крепко держа его, и с улыбкой сказал:

— Знаешь, почему?

Хэ Дачжуан молчал, а Цзинь Жуй отпустил его руку, погладил Мяньцю, лежащего у него на коленях, и тихо продолжил:

— В тот день женщина, которая обычно заботилась обо мне, внезапно бросилась на меня с ножом. Я знал, что либо я умру, либо она. Поэтому я убил её.

Я с детства тренировался в боевых искусствах, как она могла быть мне соперником? Я выхватил у неё нож и этим ножом — раз за разом — заколол её.

Я до сих пор помню, как тёплая кровь брызгала мне на лицо.

Я нанёс ей тринадцать ударов, прежде чем она умерла. С каждым ударом я думал, зачем она хотела меня убить, почему предала меня.

В тот момент я понял, что мой отец был прав: в этом мире слишком много людей, которые хотят моей смерти. Если я не стану сильнее, мне останется только ждать смерти.

Потом отец выяснил, почему она предала меня. Знаешь, в чём причина? Оказалось, это были деньги.

<http://bllate.org/book/16150/1447022>